

Василий Водовозов

**Учительские советы и
съезды**

Василий Иванович Водовозов

Учительские советы и съезды

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22806385

Аннотация

«Новый проект училищного устава, на который писали свои замечания до 360 педагогов, кажется, очень мало подвергался обсуждению в нашей литературе. Между тем им подняты вопросы первостепенной важности, вопросы, которые столько же касаются всего общества, сколько и лиц, официально призванных к делу обучения. Что касается учреждения училищных советов, частных и народных школ, введения реальных предметов в курс преподавания, то во всем этом истинного успеха можно ожидать только от частной инициативы...»

Василий Водовозов

Учительские советы и съезды

Новый проект училищного устава, на который писали свои замечания до 360 педагогов, кажется, очень мало подвергался обсуждению в нашей литературе. Между тем им подняты вопросы первостепенной важности, вопросы, которые столько же касаются всего общества, сколько и лиц, официально призванных к делу обучения. Что касается учреждения училищных советов, частных и народных школ, введения реальных предметов в курс преподавания, то во всем этом истинного успеха можно ожидать только от частной инициативы.

Училищные советы и съезды могли бы несколько оживить педагогическую деятельность у нас в провинции, где до сих пор вследствие резкого разделения всех сословий преподаватель живет какою-то тесною, замкнутою жизнью, не имея доступа ни в круг так называемого высшего общества, ни в чуждый для него мир подьячих, купцов и ремесленников. Если и долго еще ожидать, пока не будут уничтожены бесконечные перегородки, разделяющие у нас чины, звания, занятия, то по крайней мере не надо пренебрегать ни одной мерой, ведущей к сближению разных членов общества между

собою: от их разрозненности только все более утверждаются эгоизм, апатия, невежество. Воспитание детей принадлежит именно к таким общественным вопросам, в которых более всего возможно ожидать сближения между всеми сословиями, если только сами школы не будут противодействовать этому, удовлетворяя один класс общества на счет другого. Да возможны ли у нас такие собрания, где лица, ревнуя об образовании, добровольно сходились бы между собою и согласно решали бы дела, касающиеся общественной пользы? В самих наших педагогах есть ли на столько педагогического интереса? Наши педагоги при своем незавидном положении, конечно, так заняты заботой о пропитании себя и своего семейства, что от них невозможно и требовать каких-либо особенных жертв в этом деле; но, как видно из примечаний, сделанных на проект, почти все они готовы содействовать общему труду, если только этот труд не будет совершенно бесплодным; а бесплодным он будет тогда, когда все ограничится одними прениями, без результатов и применения на деле. Кроме официальных педагогов в собраниях, назначенных для обсуждения вопросов о воспитании, необходимо возможно большее участие лиц, которые вполне посвящали бы себя на служение школам. Но до сих пор в лице разных попечителей и других членов, заседающих на советах, мы подобных особ не встречали. А большею частью господа эти, не прочитав в жизнь свою ни одной педагогической книги, да и вообще не жалуя книг, не видав ни одной школы, кроме той, в которой

сами воспитывались (если только не воспитывались у себя дома, по подобию Евгения Онегина), с решимостью преобразуют училищный порядок, выказывая значительность своей особы заботливым, нахмуренным видом, строгим начальническим взглядом и вмешательством во всякое дело, которое не понимают. Иногда сюда присоединяется иезуитский способ обхождения, по которому они ласкают именно того, кого думают пришибить по своим расчетам, – все это несколько не наставительно для учащихся и отнюдь не плодотворно для школы. К чему поведут советы с подобными деятелями? Нам рассказывали про одно женское заведение, в котором ни сама содержательница пансиона, ни попечители никогда и не мечтали о возможности какого-нибудь изменения и, только следуя букве устава, применяли его в таких подробностях, где и китайский ум вряд ли придумал бы какие-нибудь правила: заставляли воспитанниц ходить, сидеть, учиться, молиться, даже спать и ничего не делать по строго заведенному порядку. Но преобразование коснулось и этого заведения: присланы были новые правила, по которым, между прочим, предписывалось решать все учебные дела на педагогических собраниях. Вот содержательница пансиона с попечителем, с каким-то членом и с одним или двумя подведомственными господами комфортно заседала у себя в гостиной; тут же находились еще какие-то незначительные личности, поодаль от них чинно держали себя несколько дежурных воспитанниц, не смея моргнуть глазом, а стоявшая позади них классная да-

ма умильным до оглушения взором глядела прямо в глаза содержательнице пансиона. В такой обстановке обыкновенно начинались домашние собрания, на которых все решалось. Содержательница пансиона долго и медленно озирала всех, велела одной из воспитанниц принести себе скамейку под ноги, другую послала за какой-то работой, третьей приказала идти переменить прическу; даму она отправила за другой дамой и когда эта пришла, то велела ей пойти спросить у третьей дамы списки с баллами за поведение и т. д. Наконец, сделав еще много других подобных распоряжений, она выслала всех посторонних и приступила к совещанию, как вдруг попечитель, вовсе не ревнитель каких-нибудь новых порядков, сделал замечание, что по новым правилам необходимо созвать на совещание и преподавателей. «Зачем же? я не понимаю, – сказала начальница, – мы окончим теперь дело, а в другой раз можно, пожалуй, призвать сюда преподавателей и объявить им, что они должны делать». В созвании преподавателей содержательница пансиона не видела ничего дурного, находя в этом только новый повод к большей торжественности заседания.

«Как? – воскликнул попечитель, объятый ужасом. – Созвать учителей сюда, в эту комнату, где совещаемся мы? Назначьте для этого по крайней мере не гостиную, а один из соседних покоев». Но содержательница пансиона была очень упряма и не любила вмешательства в свои распоряжения: из-за комнаты вышла ссора; попечитель на зло ей стал ли-

беральничать, настаивая на том, чтобы первоначально собрать мнения от учителей. Наконец, напуганная законом, содержательница пансиона уступила. Назначено было торжественное собрание в зале. Преподаватели сошлись в кучку и ждали, что будет, изредка посматривая на начальство, которое председательствуя за столом о чем-то с жаром переговаривалось, но не приглашало собравшихся садиться; попечитель был особенно важен и пасмурен. Вдруг взял он бумагу, взглянул строго на преподавателей и стал выкликать одного за другим по списку. Содержательница пансиона, заявляя и свою власть, начала рассаживать всех по своему усмотрению, имея в виду старшинство каждого или свое особенное расположение. Попечитель увидел себя в роли какого-то слуги, который должен исполнять известную формальность, не имея права сам распоряжаться. Он, не окончив выкрички, вдруг бросил бумагу и отрывисто сказал: «Господа, прошу покорно садиться. Г-н инспектор! извольте прочесть новые правила!» Начальница потрепала чепцом, с шумом встала из-за стола и тут же начала толковать дамам о каких-то распоряжениях, возвышая сколько возможно более голос. Между тем инспектор выступил на середину зала с правилами и что-то замямлил. «Читайте же, – возразил энергически попечитель, – чтобы гг. присутствующие могли проникнуться духом закона». Инспектор читал долго, вяло, с перерывами, видимо занятый мыслию о том, не оскорбится ли начальница его громким чтением: мирная душа его глубоко скорбе-

ла об анархии, происшедшей между властями. Так прошел час. Никто из преподавателей не понял прочитанного. Затем следовало такое же монотонное чтение списков. Дело шло о наградах. По обыкновению лучшие из воспитанниц не получили ничего, потому что имели не «12», а «11» в поведении; имели же они «11» потому, что не целовали беспрестанно руки классной даме, не бросались наперерыв с другими подымать клубок, который она уронит, и даже молча выслушивали брань, тогда как должны бы плакать и каяться. Полный балл из поведения получили большею частью самые плохие; на это кем-то из преподавателей сделано было замечание. Попечитель обрадовался случаю заявить свою самостоятельность, и тех, у которых были плохие отметки из какого-нибудь предмета, исключили из наградного списка; но лучшие воспитанницы все-таки остались со своим дурным поведением: на этом настояли дамы, которые еще прежде решились между собою, какую из девиц лишить награды в отместку за ее спокойную стойкость при всех выговорах и распеканиях. «А, – грозили они, – ты хочешь показать, что тебе все нипочем... хорошо, узнаешь, как получишь дурной аттестат; будешь кулаком утирать слезы». Весь результат собрания *был* тот, что соблюдено равенство, вовсе не лестное для лучших воспитанниц, которые, конечно, желали, чтобы плохонькие получили награду, потому что сами занимались той или другой наукой из любви к предмету и не рассчитывали ни на какие отличия. Какую же роль играли тут препода-

даватели? Они уже самым началом заседания приготовлены были к безмолвию; некоторым, однако, казалось нестерпимым не высказать своего мнения, и они очистили совесть; но большая часть дремала, сидя неподвижно. Старший законоучитель поднялся и, сложив руки на груди, подошел к начальнице. «Батюшка просится», – сказала содержательница пансиона попечителю. Но всякий уходил и без спросу, чуть только оканчивалось чтение о его классе; даже опасность получить выговор не могла никого удержать: так невыносима была скука. Один из самых робких дольше других терпел, уставив глаза на начальство; несколько раз подымался он, чтоб уйти, да не хватало отваги. Между тем другие улепетывали понемногу; видя это, всякий раз он краснел от досады. . . наконец, не выдержал, взглянул опасливо на председательствующих лиц, вдруг зажал платком нос и, согнувшись, чуть не бегом пустился из залы. Когда заседание кончилось, содержательница пансиона спросила попечителя: «Довольны ли вы гг. учителями?» – «Да, – отвечал тот с важностью, – они действительно высказали некоторые основательные суждения».

Мы с намерением подробно описали одно из тех бесплодных собраний, в которых при самой доброй воле преподаватели остаются безгласными членами и соблюдается только одна форма. Если губернские училищные советы, предполагаемые новым проектом, будут устроены на подобных основаниях, то от них, конечно, нельзя ждать большой поль-

зы. А есть опасность, что дело повернет в эту сторону. Членами совета назначены все начальники и начальницы заведений губернского города и по два преподавателя от гимназий и высших женских заведений. Правда, чрез выбор возможен доступ и другим членам; но кто поручится, что при недоверчивости общества ко всяким официальным собраниям многие пожелают принять участие в совете и что сами главы совета будут везде благоприятны выбору лиц, наиболее полезных? Большая часть педагогов, писавших замечания на эту статью устава, обратили внимание на подобное неудобство и потому желают, чтобы уездные преподаватели, по крайней мере по одному из каждого города, приезжали на собрания губернского училищного совета. Такие собрания могли бы с удобством быть устроены после рождества и летом в начале каникул. В числе как приезжих, так и местных членов необходимо быть представителям частных и народных школ, наибольшему числу воспитателей и воспитательниц и вообще лицам, которые занимаются делом педагогики по призванию, а не из одного насущного куска хлеба. Таких лиц, конечно, сначала найдется немного в нашем обществе, но при сближении школы с жизнью самые интересы общественные вызовут их к деятельности, и труд педагога будет вознагражден не одною скудною казенною платою да чином, ведущим за собой только вычет из жалованья, более всего тяжкий при его жалких средствах. Наши преподаватели отчуждены от общества не вследствие только его предрассуд-

ков, но и вследствие той странной науки, которою они должны заниматься. Арифметика, география, история, естествознание, словесность – все общие предметы курса до сих пор у нас преподаются большею частью отвлеченно и сухо, без определенного направления и цели. Нельзя сказать, чтоб не составлялось множество программ, но в них мы не встретили никакой существенной перемены против прежнего узкого взгляда на преподавание. Мы считаем их большим стеснением для преподавателя, который не захотел бы неподвижно остановиться и застыть на одной точке. Любопытно, что до сих пор во всех наших школьных преобразованиях вовсе не были приняты во внимание потребности современной науки и потребности нашего русского образования, как будто это дело случайное, предмет роскоши и личного вкуса, а не твердый принцип, без которого школа становится какою-то затхлою теплицей. У нас все без разбора перенимали от немцев, не обращая внимания на то, что и у немцев старые педагогические теории падают с каждым днем и идет борьба за начала жизни. Да если бы немецкие теории и были безукоризненно совершенны, то в применении к нашей жизни они отозвались бы тою же историческою нелепостью и тем же насилем, какими страдала у нас гражданская реформа. Наша наука была до сих пор такова, что воспитанники знали, например, до малейшей подробности о походах Дария, а не имели ни малейшего понятия об отличии нашего общественно-го и гражданского устройства от других европейских; могли,

пожалуй, рассказать о княжестве Липпе-Детмольд и совершенно были незнакомы с особенностями той местности, где они живут. Естественная история, объясняемая по одному разу в неделю в каждом классе, по необходимости состояла из сухого перечисления одних названий, между тем латинский язык, по образу старинной бурсы, был источником бесплодных истязаний, нравственною пыткой, из которой выносили только отвращение ко всякому школьному знанию. Математика до сих пор преподавалась у нас отвлеченно и не менее латинского языка была для самых способных из воспитанников помехою к получению аттестата. Между педагогами у нас есть особая партия защитников труда для труда, которые уверяют, что, чем скучнее предмет, тем более необходимо занимать им воспитанников: этим, дескать, приучим к устойчивости, к терпению, которого недостаток очень замечен в молодом поколении. Но нельзя сказать, чтоб при настоящем способе преподавания какой-нибудь предмет был особенно занимателен для учащихся: мы не говорим здесь об исключениях, которые там и сям встречаются. Отчего же у нас мало учатся и плохо развиваются? Ответить на это нетрудно: сколько случалось мне наблюдать самому, в наших юношах нет недостатка ни в любви к знанию, ни в постоянстве при занятиях любимым предметом; но предмет, не занимательный сам по себе или представляемый учащемуся с самой скучной стороны, вообще отвращает его от науки: он спешит долбить урок для баллов, чтоб остальное время за-

няться чтением книг, которые поглощает с жадностью. Это беспорядочное чтение и составляет почти единственный источник нашего развития. У нас много толкуют о практике, но настоящих практических классов у нас, кажется, нет ни по одному предмету.

В средних заведениях еще вносится кое-какой живой элемент чрез ту или другую личность; низшие заведения, где наука более всего должна бы соответствовать требованиям жизни, более всего страдают от совершенной ее бесплодности и замкнутости. Как можно обвинять общество в равнодушии к знанию, в невежественном коснении, когда мы на самом деле не учим ничему полезному для жизни? Купец берет своего сына из I класса уездного училища после того, как он научится чтению, письму и счислению; купец в этом случае правее, чем его хулители педагоги: дальнейшая наука для его сына была бы на самом деле мертвым капиталом... ведь мальчик не научится в школе ни товароведению, ни какому-нибудь ремесленному производству, ни бухгалтерии, не узнает даже произведений и промыслов своего края, а знание того, какие поименно были цари со времен Моисея и Нимврода, тоже не поведет к его развитию. Теперь понятно, почему у нас преподаватель, заросший в своей сухой науке, как кость в старинном стволе дерева, совершенно чужд окружающей его жизни. Сделал ли что-нибудь новый проект устава для изменения этого положения? В гимназиях, названных почему-то реальными, на естественную историю,

физику и географию вместе положено было, во всех классах, 19 уроков, а на одну латынь 18 уроков; математика нашла себе место в числе 16 уроков. Число уроков по естественной истории тут, собственно говоря, слишком мало увеличено: о каких-нибудь реальных применениях этой науки и мечтать нечего. Математика, при 16 уроках, представляет странную специальность, которая очень немногим избранным послужит средством к развитию; на жизненную сторону этой науки вряд ли можно рассчитывать: у нас и в университете нет курса механики. Остается латынь, которая задушит окончательно молодые силы в самом начале их развития и послужит последним решительным средством к отчуждению школы от жизни. Невозможно было бы искуснее составить плана, чтоб сделать гимназию недоступною и бесполезною для большинства учащихся в нашем современном состоянии общества. Таково мнение и очень многих лиц, писавших примечания на проект. Какая же была причина этого странного распределения предметов? Все тот же устарелый взгляд на преподавание, по которому оно должно состоять в чисто формальной дрессировке способностей. Мы надеемся, что мнение значительного числа лиц, которые в примечаниях на проект высказались против латыни, будет принято во внимание и этот предмет будет исключен из реальных гимназий как противоречащий даже их названию. Мы искренне желаем этого во имя будущих успехов нашего среднего образования: взяв оставшиеся от латыни уроки и несколько умень-

шив число уроков по математике, мы дадим довольно места другим знаниям, которые без обременения курса могут быть введены согласно местным потребностям. На них указано и в примечаниях на проект; таковы: английский язык, начала народного хозяйства, наука об общественном устройстве, народная гигиена, общее знание о технических производствах, законоведение и т. д. Согласно с местным требованием еще более может измениться курс прогимназии, где главными предметами служат: русский язык (18 уроков в неделю) и математика (17 уроков). В случае особенной необходимости можно бы отделять известное число часов от некоторых предметов для знаний, на которые прямо указывает жизнь края, помимо всяких кабинетных распоряжений и проектов. Школа должна пробуждать народные силы к деятельности, давать развитие и естественное движение этим силам, а не быть какою-то казенною фабрикой человечества. Применение общих педагогических начал, за которое взялся проект, имеет свои границы: как по теории садоводства нельзя назначить для всякой почвы и для всякого климата одни и те же растения и один и тот же способ их разведения, так же точно неудобно определять для всех местностей одинаковые школы. Но невнимательность проекта в этом отношении дошла до такой степени, что в нем совсем не упоминается даже о местном языке; даже для частного народного училища поставлено правилом, что учредитель его обязан для *православного* назидания детей приглашать священ-

нослужителя (§ 75); следовательно, все инородцы и из русских – огромное число раскольников должны быть лишены грамотности? Мы уже видели, что наши официальные педагоги, и по своему исключительному образованию, и по своей школьной деятельности, не могут разрешить великой задачи внесения местного элемента в образование; однако многие из них глубоко сознают всю важность этой задачи.

Мы уверены, что для них открылась бы новая жизнь через тесное сближение с частными, более независимыми деятелями, которые посвящают себя делу образования из любви, а не из горькой необходимости: тут могла бы послужить в пользу их педагогическая опытность, часто пропадающая безвестно для общества. Если у нас в самом деле дорожат успехами образования, то необходимо всеми мерами поощрять частные училища, основанные с целью удовлетворить общественным нуждам, а не для приготовления питомцев по данной программе в какое-нибудь привилегированное заведение, – училища, где действуют люди по призванию, а не какой-нибудь комиссионер для сбыта человеческого товара. У нас очень мало подобных заведений, но их устроится более, если вместо стеснения разными программами и требованием бесполезных экзаменов, которые обыкновенно ограничиваются пустою формальностью, учредителям предоставят возможно большую свободу и будут давать вспоможения в случае их полезной деятельности. Училищные советы, правильно устроенные, могли бы вызывать способных

людей на открытие подобных училищ, давая им право заводить их без дальнейших формальностей. Устройства народных школ можно ждать также от частной инициативы. Ни обязательность учения, ни обязательный взнос какой-нибудь подати, возложенный на сельских жителей, тут не может иметь места: на это приведено много неопровержимых доказательств и в примечаниях на проект устава, а в последнее время так решено и большинством голосов в с. – петербургском комитете грамотности. Какие же найти меры, чтоб заохотить народ к грамотности? На какие средства основать народные школы? Пример всех образованных государств показывает, что, предоставляя в этом случае наибольшую свободу частной деятельности и поощряя ее всеми мерами, правительство наиболее выигрывает. Заводящий школу от своего лица все-таки более об ней думает, более рассчитывает на сочувствие общества, чем официальный начальник школы, которого вся забота обыкновенно состоит в исполнении предписанных формальностей. Что касается наблюдения над школами, то это дело необходимо предоставить самому обществу, через участие его в училищном совете. Такой совет должен иметь свои права, чтоб его деятельность не осталась бесплодною. Уездные преподаватели по мере возможности получают прогонные и суточные деньги, чтоб участвовать два раза в год в его собраниях. Учредители частных школ и другие лица от общества должны составлять в нем по крайней мере половину членов. Члены в полном их со-

ставе совершенно свободно избирают президента собрания на один год. Таким образом устроенные советы если не принесут другой пользы, то послужат к сближению педагогов, к правильной оценке наших местных потребностей и педагогических средств. А то у нас происходят явления, не возможные ни в каком образованном обществе. Воспитательница какого-нибудь женского закрытого заведения по складу своего ума, по всем своим привычкам составляет как будто особый организм, которому нет ничего подобного ни в окружающем нас мире, ни в природе; преподаватели семинарии, гимназии и какого-нибудь корпуса, сошедшись вместе, покажутся друг другу людьми, прибывшими с противоположных концов мира: до такой степени кастовый дух школы перерабатывает у нас даже лиц одного сословия. Но при подобном порядке образование общества ни на шаг не подвинется вперед. У нас необходимы училища, которые удовлетворяли бы не предрассудкам касты, а требованиям общественного развития вообще. Это развитие совершается как на основании общих педагогических начал, так и местных условий образования. Новый проект устава, обратив все внимание на первые в устройстве школ, вовсе не оставил места для последних: одними дополнительными курсами очень недостаточно разрешается такая задача.